

Глазами поповичей

Мария Свешникова

Надежный и счастливый семейный тыл вдохновляет священника, как и любого другого человека, на более ревностное служение. Но далеко не каждому пастырю удается его создать. Порой быть хорошим мужем и отцом сложнее, чем окормлять духовных чад. «Журнал Московской Патриархии» давно хотел обратиться к важной теме семейных отношений священников, и поводом для начала такого разговора стала недавно вышедшая в свет книга Марии Свешниковой, дочери протоиерея Владислава Свешникова, «Поповичи». Эта книга, основанная на биографии известной журналистки и интервью с еще шестью поповичами и поповнами, по сути, первая попытка вытащить «из-под спуда» в российское публичное пространство тему воспитания и возрастания детей священников.

Чем значимее, тем безупречнее

— *Можно ли, на ваш взгляд, говорить о том, что воспитание детей в священнических семьях — дело особое?*

— Думаю, что здесь нет никаких секретов именно священнических. Есть такая установка в некоторых верующих семьях: главное, чтобы ребенок

Протоиерей
Владислав
Свешников
венчает внука

был формально «хорошим-православным», т. е. знал как вести себя в храме, молиться, поститься, но совсем не прививают им этические нормы поведения. Я вижу в храме сыновей священников, которые прислуживают в алтаре, где они ведут себя прилично. Но, выйдя из алтаря, они могут себя вести с окружающими, как с людьми второго сорта. По тому, как мальчик-алтарник, сын священника, проходит из алтаря за записками, как он, расталкивая всех, рассекает толпу, видно, как он относится к людям. Очень показательно, как он ведет себя в трапезной, как он разговаривает с людьми. Если этому с ранних лет не учить, где он потом научится быть внимательным к людям? Как он научится таким приятным мелочам, как, выходя из автобуса, подавать руку жене или подавать ей пальто, если он считает, что, наоборот, его должны, как сына священника, все обихаживать? Или

— *О проблемах в семьях священников открыто говорить не принято. Какова была реакция на вашу книгу? Вас не упрекали в том, что выносите «сор из избы»?*

— Священники, насколько я знаю, мою книгу считают очень важной. Для них это редкая возможность увидеть себя со стороны, глазами детей. У меня и моих собеседников не было задачи, даже иногда в болезненных для поповичей диалогах, причинить боль нашим отцам. Это, скорее, был рассказ о том, что мы чувствовали. И это рассказано нами очень по-доброму, очень откровенно. Поэтому для наших отцов и для других священников это уникальная возможность посмотреть на себя со стороны и иногда, уже спустя многие годы, увидеть и боль своих детей, которую они не замечали. Это не значит, что все священники, прочитав мою книгу, примутся меняться. Но я и не для этого ее писала.

как дочь. А я считаю, что, чем значимее сословие, чем значимее священник, тем безупречнее должны вести себя дети по отношению к приходу.

— *Священник призван приводить людей к вере. Но бывает, что его собственные дети, чаще всего в подростковом возрасте, переживают кризис веры. Некоторые отходят от Церкви совсем, другие — на время. Судя по вашему опыту, почему это происходит и как это преодолевается?*

— Очень многое зависит от характера и индивидуальных особенностей человека. У меня не было кризиса веры никогда. Притом что у меня всегда был бунтарский характер. Я знаю, что кризис веры был у людей гораздо более спокойных. Как, например, у диакона Владимира Правдолюбова, о чем он довольно эмоционально рассказывает в книге. Почему приходит этот кризис и куда он уходит, совершенно непонятно. Тот же отец Владимир, может,

и не знает, а вполне возможно, что его отец в этот момент за него так молился, что он этот кризис все-таки преодолел и остался верующим человеком. Ведь родители очень многое чувствуют. Вот и я пишу в книге о том, сколько у нас было семейных проблем — прежде всего финансовых и бытовых. Но вместе с тем рассказываю и про то, сколько родительской заботы незримо окружало нас, детей, когда мама или папа чувствовали, что они нужны, и просто вставали рядом.

По стопам родителей

— *До революции духовенство было отдельным сословием. Отец священник чаще всего передавал приход сыну. Насколько подобная преемственность уместна сегодня?*

— Я думаю, что преемственность возможна тогда, когда чело-

век, во-первых, готов, во-вторых, осознает, какой путь себе избирает, и, в-третьих, конечно, принимает на себя всю ответственность за это решение. И тут родители — папа-батьюшка и мама-матушка — должны быть очень-очень внимательными. Конечно, родители желают ребенку понятной судьбы, и, безусловно, им приятно, что сын идет по стопам отца, а дочь — по стопам матери. Но современные дети в большинстве своем не могут четко сказать в 18 лет, кем они хотят быть. В лучшем случае на это способны пять процентов из них. И тешить свое родительское самолюбие тем, что твои дети в столь юном возрасте уже смогли точно определиться с выбором своего жизненного пути, я бы не стала.

Можно учиться на биолога, а потом пойти в парикмахеры или учиться на повара, а в итоге стать великим математиком. Но выбрать путь священника или матушки, а потом передумать — это просто так не пройдет и потом обязательно скажется. Сколько я вижу таких людей, которые сделали этот ход назад, — у них поломанные судьбы!

Когда мой сын не поступил во ВГИК, я ему предложила Свято-Тихоновский богословский институт, где тогда еще преподавал мой папа. Скорее всего, его туда бы взяли. И мой мальчик мне тогда сказал: «Мама, я не вижу себя священником, и поступать в этот институт было бы нечестно». И мы эту тему закрыли.

— *А ваши родители не переживали, что из трех их дочерей ни одна не стала матушкой, а сын — священником?*

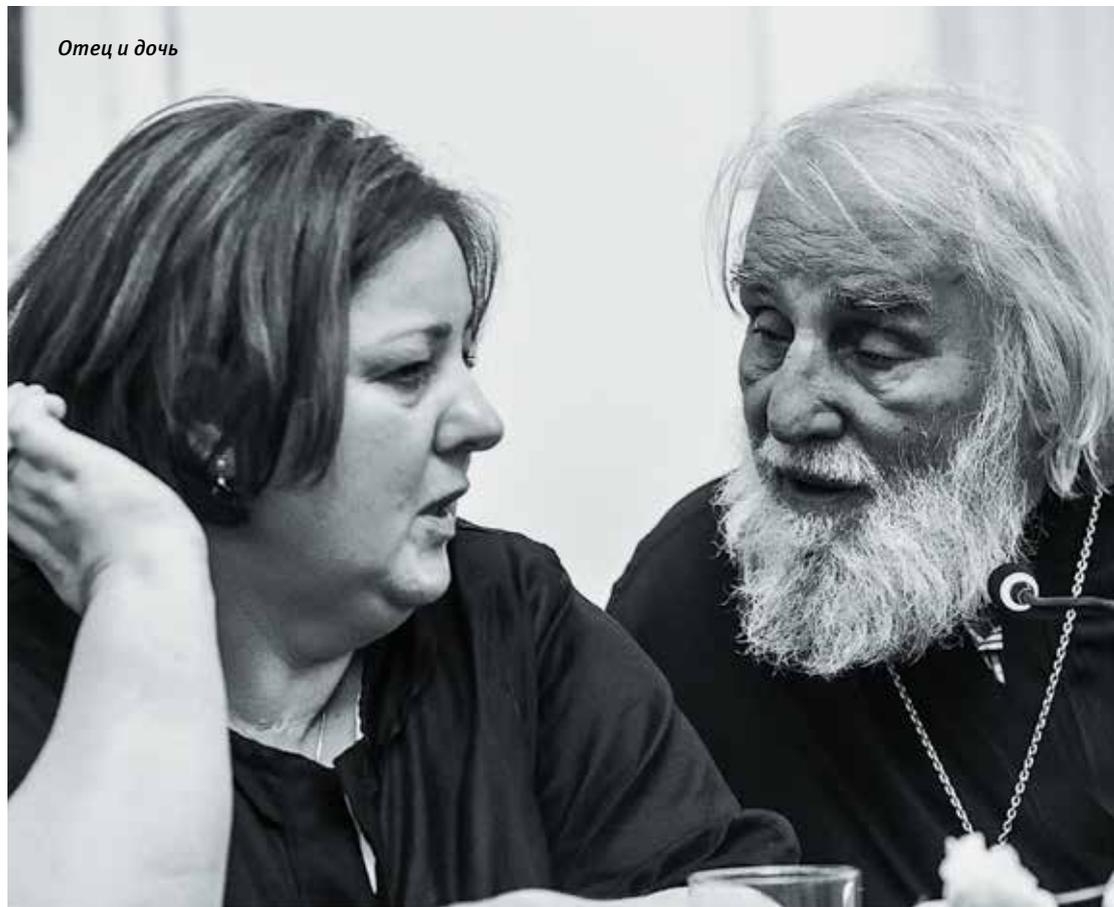
— Я не помню ни одного разговора родителей, в котором бы они говорили о своем желании видеть

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
ВОЗМОЖНА
ТОГДА, КОГДА
ЧЕЛОВЕК ОСОЗНАЕТ,
КАКОЙ ПУТЬ СЕБЕ
ИЗБИРАЕТ,
И ПРИНИМАЕТ
НА СЕБЯ ВСЮ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ЭТО РЕШЕНИЕ**

меня с сестрами матушками, а нашего брата Петра — батюшкой. И чтобы по этому поводу были какие-то переживания, я тоже не помню. Да, папа знакомил меня с молодыми людьми, которые впоследствии становились священниками. Что значит знакомил? Мне не приводили специально для знакомства женихов. Молодые люди приходили к папе, и он всячески обращал мое внимание на то, что эти юноши собираются быть священниками. Потом он также активно «сватал» этих молодых людей к другим девушкам. Вообще у папы была странная, на мой взгляд, особенность. Он стремился сделать все, чтобы молодые ребята, которые становились его духовными сыновьями и которых он считал достойными, шли в священники. Причем многие из них были уже с образованием, профессией. Но папа начинал с ними разговаривать и каким-то образом наводил на мысль, что этому юноше хорошо бы пойти в священники, затем рекомендовал его. И я знаю довольно большое количество таких молодых людей, которые с папиной подачи стали священниками. Я даже в какой-то момент его спросила, зачем он это делает? И папа мне ответил, что хороших священников мало. «А почему ты считаешь, что не должно быть хороших физиков, математиков, переводчиков? Зачем надо всех в священники определять?» — спрашивала я дальше. Он озадаченно посмотрел на меня, задумался, но продолжил так поступать.

— **Но сами вы не хотели стать матушкой?**

— Передо мной был пример моей мамы, которая стала замечательной матушкой. Но себе я такой жизни не хотела. Ведь матушка, так же как и батюшка, а может быть отчасти и больше, несет ответственность и за семью, и за приход. Мудрая матушка — она

не только левая и правая рука, шея, но и полголовы батюшки. Но при этом ее не должно быть видно, поскольку ее роль все-таки вторая.

И потом, ты ведь не специально не становишься матушкой! Значит, тебе не встречается молодой человек, который хочет стать священником и с которым ты готова связать свою судьбу.

Но я знаю священнические семьи, в которых ставят перед собой цель, чтобы сын стал непременно батюшкой, а дочь — матушкой. Это происходит, скорее всего, потому, что родители не видят другой возможности для детей спастись. Так привычнее, этот путь они знают. Я к этому отношусь настороженно: не считаю, что все дети священников должны автоматически повторять путь своих родителей.

Семья и паства

— **Анна Шмаина-Великанова, дочь священника Ильи Шмаина, замечает**

в разговоре с вами, что хороший, настоящий священник приносит в свою семью несчастье: «Любовь к семье переливается на приход, а горе прихожан переливается в семью». Насколько универсально это утверждение?

— Не могу сказать. Но мне об этой особенности жизни священника рассказывала не только Анна Ильинична, но еще несколько детей священников, поэтому можно говорить, что это частое явление. Некоторые священники принимают прихожан на дому, и это не может не сказываться на семье. Да, некоторые священники, что скрывать, выбирают путь хорошего семьянина, а не хорошего духовника, и тогда они ограждают свою жизнь от проблем прихожан. Но если священник действительно вовлечен в жизнь паствы, то на его детях это отражается самым разным образом. Надо сказать, что некоторые священники, прочитав

мою книгу, сильно не согласились с этим. Скорее всего, они никогда об этом не задумывались, и им стало страшно от этой мысли. Но, может быть, хорошо, что им это открылось хотя бы сейчас. Один мой знакомый на днях написал, что закупил большое количество «Поповичей». Сказал, что будет дарить своим друзьям, которые собираются идти в священники, чтобы те прочитали и знали, что их может ждать в жизни.

— *Сергей Шаргунов, сын протоиерея Александра Шаргунова, говорит у вас в книге, что «на самом деле дети священников, как правило, нервные люди. Связано это не только с их родителями, а с особой атмосферой». Что именно, на ваш взгляд, порождает эту нервозность?*

В школе я скрывала, что мой папа священник. Мы все писали в анкетах, что он служащий. Но эта тайна была вскоре раскрыта.

— В каждой семье свое. Предположим, папа-священник служил, пришел домой уставший и сорвался на семье. И допустим, происходит такое регулярно. Один вариант нервной ситуации. Другой вариант: папа пришел уставший, и вся семья его жалеет и оберегает, не подходит к нему со своими проблемами, а детям и мамушке нужны разговоры с отцом и с мужем. Таким образом, они не разрешают свои проблемы или разрешают сами, но не так, как хотелось бы. И это тоже создает нервозность. Или еще одна ситуация, которая происходила в нашей семье все те годы, пока папа служил в деревне. Когда он приезжал в Москву, люди приходили с ним разговаривать, исповедоваться к нам в дом. Они появлялись у нас в разных состояниях — депрессии,

душевного поиска, счастья. Все эти люди беспрестанно говорили, чаще всего громко и эмоционально. Даже если ты не слышишь, о чем идет речь, но ты чувствуешь повышенный эмоциональный фон, от которого, конечно, заряжаешься. Знаю, что некоторые священники также принимают своих прихожан у себя дома и у них происходит то же самое.

Из неблагонадежных

— *Если сравнить поповичей вашего поколения, выросших в советское время, и нынешнего — чем они отличаются?*

— В советское время быть священником было просто опасно. Существование Церкви и ее служителей приравнивалось к политической пропаганде.

Моего папу неоднократно вызывали на допросы в КГБ, поскольку у него был круг общения не только священнический, но и диссидентский. Он, например, был знаком с Солженицыным, хотя и не относился к числу его друзей. Отец под псевдонимом писал статьи, которые публиковал за границей. Его могли в любой момент посадить или упрятать в психбольницу.

В школе я скрывала, что мой папа священник. Мы все писали в анкетах, что он служащий. Но эта тайна была вскоре раскрыта. Я не помню, чтобы одноклассники меня как-то терроризировали как поповну. Но несколько лет назад мы встретились с моим одноклассником и он сказал: «Мы считали тебя неблагонадежной». Для них священство папы было признаком неблагонадежности и его семьи. Меня

при этом в классе не трогали, а вот моего брата Петю старшекласники пытались распясть на Пасху, сестра Даша его спасла.

Да, у нас были другие бытовые условия, в которых мы выросли раньше. Нынешние поповичи, с этой точки зрения, живут в более комфортных условиях. Они, конечно, тоже могут скрывать профессию своего отца, но не по тому, что это ему как-то повредит, а только по причине каких-то особенностей конкретного ребенка, который стесняется папу. Но он точно так же может стесняться отца-токаря и будет придумывать, что у него папа — кинорежиссер. А вот все семейные трудности и проблемы никуда не делись и не изменились. Прежде всего, я имею в виду отношения детей и родителей. Я все равно встречаю и очень серьезных детей, и абсолютных олухов. Стало ли олухов больше? Стало ли меньше настоящих личностей? Это очень трудно определить.

— *Давать рекомендации — дело неблагодарное и все-таки индивидуальное. Но все же, какой совет вы как поповна дали бы молодой священнической семье?*

— Главный совет молодым батюшке и мамушке, которые только создают семью, — помнить, что на них возлагается гораздо большая ответственность, чем на обычные семьи, потому что они отвечают не только за себя и своих детей, но и за других людей, за свою паству. На каждой свадьбе я говорю: надо в семье друг с другом разговаривать и все обсуждать, тем более если вы чувствуете, что назревает какая-то проблема. Стараться слышать и слушать друг друга. Ну и конечно, разговаривать со своими детьми. Главные заповеди уже даны в Библии, и все их хорошо знают.

Беседовала Елена Алексеева.

Фото Юлии Маковойчук